

«ПО СТЕЗЕ ПРАВДЫ И ЗАКОНОВ»

Генерал-прокурор
Гавриил Романович
ДЕРЖАВИН

РЯДОВОЙ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА

Начало каждого нового столетия обычно связано в России с ожиданием реформ. XIX век не был исключением. Вступивший на российский престол император Александр I, окруженный честолюбивыми, жаждущими деятельности молодыми людьми, провел целый ряд преобразований, которые вселяли надежду на дальнейшее укрепление могущества обширной империи, расцвет культуры, науки и искусства. Среди них одно из важнейших — учреждение в России министерств.

«Мы заблагорассудили, — сообщалось в Манифесте от 8 сентября 1802 г., — разделить государственные дела на разные части, сообразно естественной связи между собою, и для благоуспешнейшего течения поручить оные ведению избранным министрам...».

В ведение министра юстиции было передано управление судебной частью и обязанности генерал-прокурора. В тот же день последовал Высочайший указ Правительствующему сенату: «Министром Юстиции или Генарал-Прокурором повелеваем быть Действительному Тайному Советнику Державину, предоставляя впредь назначить ему Товарища». Спустя несколько дней Державин был приведен к присяге в Сенате.

Так первым министром юстиции России и одновременно генерал-прокурором стал знаменитый русский поэт Гавриил Романович Державин.

Г.Р. Державин родился 3 июля 1743 г. в одной из деревень своего отца близ Казани. Он принадлежал к мелкопоместному, но старинному дворянскому роду, ведшему свое начало от служивого человека при князе Василии Темном мурзы Багрима. Один из его потомков, Нарбеков, служивший в Казани, получил прозвище «Держава». От него и пошел род Державиных.

Отец Державина, секунд-майор Роман Николаевич, когда родился Гавриил, служил в казанском гарнизоне. Потом — в Ставрополе и Оренбурге. В 1754 г. он вышел по болезни в отставку и в ноябре того же года умер. Гавриилу шел в это время двенадцатый год. Мать Державина, Фекла Андреевна, урожденная Козлова, осталась почти без всяких средств к существованию. Имения практически не давали никакого дохода, к тому же часть земли

захватили соседи-помещики и с ними начались бесконечные судебные тяжбы.

Вспоминая впоследствии о многочисленных хождениях матери с малолетними сыновьями в поисках правды и справедливости по судебным учреждениям, Державин писал в своих «Записках»: «Таковое страдание матери от неправосудия вечно оставалось запечатленным на его сердце, и он, будучи потом в высоких достоинствах, не мог сносить равнодушно неправды и притеснения вдов и сирот»^{*}. Идея правды и справедливости сделалась с тех пор господствующей его чертой.

Первое свое образование мальчик получил в семье — мать старалась приохотить его к чтению церковных книг: когда семья жила в Оренбурге, Гавриил начал посещать школу немца Иосифа Розе, человека грубого и малообразованного. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, он поступил в только что открывшуюся в Казани гимназию. Здесь обучали латинскому, немецкому и французскому языкам, арифметике, геометрии, музыке, танцам, фехтованию. За особое отличие в геометрии Державину было объявлено, что он подлежит зачислению на службу в инженерный корпус. Однако в документах оказалась какая-то путаница и вместо инженерного корпуса он был записан рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк, и на службу ему предстояло явиться 1 января 1762 г.

Дворяне, приписанные к этому полку, обычно жили на квартирах, но у Державина не оказалось достаточных средств для того, чтобы снять самую жалкую комнату. Пришлось довольствоваться казармой. Началась тяжелая муштра: фрунтовая служба, смотры, ружейные приемы, караулы... А в промежутках между строевыми учениями ему приходилось убирать улицу от снега, доставлять провиант, чистить каналы, выполнять поручения офицеров.

Первые свои стихи Державин стал сочинять еще в Казани. Теперь же почти все свободное время он посвящал поэзии. Умение писать стихи по всяким поводам, письма за своих товарищей сделали его вскоре любимцем всей роты.

В 1762 г. волею судьбы девятнадцатилетнему мушкетеру Державину вместе со всем полком пришлось участвовать в дворцовом перевороте, который возвел на престол жену императора Петра III — Екатерину II.

^{*} Г.Р. Державин писал о себе в «Записках» в третьем лице (ред.).

15 мая 1763 г., получив чин капрала, Державин выхлопотал себе отпуск и отправился на родину, в Казань.

В январе 1767 г. Державин был произведен в каптенармусы, а в 1768 г. — в сержанты. Тяжелая казарменная жизнь, невежественное и грубое окружение часто нравственно ломали и калечили молодых людей, оторванных от своих семей: они пьянствовали, вели разгульную жизнь, играли в азартные игры. Пристрастился к картам и Державин, играя сначала «по маленькой», а потом и «в большую». Страсть захватила его настолько, что однажды он проиграл даже деньги, присланные ему матерью на покупку имения. Правда, когда не было денег, в долг не играл, займы не брал, не жульничал. По его словам, он «всегда содержал свое слово свято, соблюдая при всяком случае верность, справедливость и приязнь».

Все же увлечение картами чуть было не обернулось для него крупными неприятностями. В конце 1769 г. от матери его сослуживца, прапорщика Д.И. Дмитриева, поступило в полицию заявление о том, что сержант Державин и Максимов «завлекли ее сына в азартную игру» и начисто обыграли. Дело занялся вначале полицмейстер, а затем и юстиц-коллегия; Державин был вызван для дачи объяснения. Он сказал, что в карты с Дмитриевым никогда не играл. Такие же объяснения дал и Максимов. Нужна была очная ставка, но молодые люди разъехались кто куда, дело застопорилось и пролежало почти без движения 12 лет. Наконец, в сентябре 1782 г. юстиц-коллегия вынесла решение, в котором отмечалось, что «так как против показания Дмитриева в обыгрании его в карты виновные Державин и Максимов в допросах, произведенных в полиции, не признались и на то никаких сторонних свидетельств по делу не открылось, следовательно на одних его, Дмитриева, показаниях утвердиться никак не можно». Дело списали в архив.

В 1772 г. Державин был произведен в прапорщики, а 1 января 1773 г. — в подпоручики. В том же году состоялся его литературный дебют. В части 2 «Старины и новизны» издателя Рубана появился его перевод с немецкого «Ироида, или Письмо Вавлиды к Кавну», опубликованный без подписи, а 31 октября 1773 г. тиражом в 50 экземпляров была напечатана ода Державина, посвященная свадьбе великого князя Павла Петровича с великой княжной Натальей Алексеевной «На всерадостное бракосочетание их императорских высочеств».

В конце ноября 1773 г. Державин, проявив немалую настойчивость, был откомандирован в секретную следственную комиссию при А.И. Бибикове, командующим войсками, действовавшими против Е.И. Пугачева. Державин сумел проявить недюжинную инициативу и даже лично разработал план по поимке Пугачева, который и пытался осуществить, но безуспешно. А однажды чуть было сам не попал в плен к предводителю крестьянской войны. Хотя Державин и стал известен многим приближенным к императрице вельможам, особых лавр и наград себе не стяжал. Будучи обиженным, он в своем письме на имя Екатерины II писал, что «странствовал год целый в гнезде бунтовщиков, был в опасностях, проезжал среди их, имея в прикрытие одну свою голову».

А.И. Бибиков

В 1774 г. Державин производится в гвардейские поручики. В том же году он написал несколько великолепных стихотворений: «На великость», «На знатность», «На смерть генерал-аншефа Бибикова» и др. В феврале 1776 г. вышла из печати первая поэтическая книга Державина — «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае. 1774 г.»

В январе 1777 г. он получил очередной чин капитан-поручика, а 15 февраля его переводят в «статскую» службу с чином коллежского советника. За пятнадцатилетнюю военную службу он получил весьма ничтожную награду — 300 душ крепостных крестьян в Белоруссии, в Себежском уезде.

НА «СТАТСКОЙ» СЛУЖБЕ

За время службы в Преображенском полку Державин сблизился с «довольно знатными господами, ведущими жизнь веселую и даже роскошную». При их содействии он и рассчитывал получить приличное место на гражданской службе. И вскоре такой случай представился. Один из его приятелей, А.Окунев, выдавал дочь замуж за князя Урусова, двоюродного брата жены генерал-прокурора А.А. Вяземского — Елены Никитичны. На балу поэт был представлен всесильному вельможе, сумел завоевать его благосклонность и стал часто посещать его дом на Малой Садовой. Вскоре он стал любимцем всей семьи генерал-прокурора. С самим князем Державин «по вечерам для забавы» иногда играл в карты, читал ему книги, чаще всего романы, за которыми слушатель нередко засыпал. Для княгини Елены Никитичны писал стихи. Благодаря Вяземскому, Державин вскоре получил вполне приличное место — экзекутора I-го департамента Правительствующего сената. Отношения со сослуживцами сложились хорошие. Непосредственным начальником его был обер-прокурор департамента Иван Гаврилович Резанов, с которым поэт был в дружеских отношениях.

Близко сошелся он также с сенатским обер-секретарем Александром Васильевичем Храповицким, впоследствии ставшим статс-секретарем Екатерины II, и экзекутором 2-го департамента Осипом Петровичем Козодавлевым, будущим министром внутренних дел правительства Александра I.

Находясь в доме Козодавлева, Державин впервые увидел и страстно влюбился в семнадцатилетнюю смуглую красавицу.

Е.Я. Бастидон

вицу — Екатерину Яковлевну Бастидон, дочь кормилицы великого князя Павла Петровича — Матрены Дмитриевны. 18 апреля 1778 г. состоялась их свадьба. В поэзию Державина Екатерина Яковлевна вошла под именем «Плениры».

Это было время, когда Державин с благоговением взирал на императрицу Екатерину II, искренне считая, что именно она может стать «народной монархиней», именно ей суждено облегчить страдания народа, стать защитницей слабых и угнетенных. На него большое впечатление произвел екатерининский Наказ — этот своеобразный свод наиболее передовых и гуманных идей, подготовленный ею для Комиссии по составлению проекта нового Уложения.

Несмотря на то, что вскоре Наказ был положен под сукно, а Комиссия распущена, само слово «закон» стало для Державина глубоко символичным. Он мечтал быть всегда

верным сподвижником Екатерины II и блюстителем законов. За работу в Сенате Державин принялся с присущим ему рвением.

В 1779 г. в Петербурге перестраивалось здание Правительствующего Сената. На экзекутора Державина было возложено наблюдение за строительными работами. Здание Сената располагалось на углу набережной Невы и Сенатской площади. Рядом строился великолепный Исаакиевский собор. На самой площади шла установка величественного памятника Петру I, работы скульптора Фальконе.

Особое внимание придавалось устройству зала для общих собраний Сената. По стенам зала шли лепные барельефы, сюжет которых предложил приятель Державина, архитектор и поэт Н.А. Львов. Словесное описание составил сам Державин, а исполнены барельефы были художником Г.И. Козловым и скульптором Ж.-Д. Рашеттом. В центре барельефа изображались Истина, Человеколюбие и Совесть, которых Миневра (под ней подразумевалась, естественно, Екатерина II) вводит в храм Правосудия. По словам Державина, генерал-прокурор Вяземский, осматривая зал и увидев обнаженную Истину, сказал: «Вели ее, брат, несколько прикрыть». «И подлинно, — писал в своих «Записках» Державин, — с тех пор стали отчасу более прикрывать правду в правительстве...».

7 декабря 1780 г. Державин был переведен экзекутором в только что учрежденную Экспедицию о государственных доходах, которая находилась в ведении генерал-прокурора. Вяземский поручил ему составить так называемое «начертание» о правах и обязанностях Экспедиции. Державин был в отчаянии — не знал, как подступиться к выполнению трудного задания. Будучи человеком талантливым и сообразительным, он все же нашел выход. Собрав все указы, на основе которых были учреждены камер- и ревизион-коллегии, статс-контора и другие экспедиции, он заперся у себя дома и принялся за работу. Впоследствии Державин вспоминал: «Поелику была ему даже и непонятна почти материя, то марал, переменял и наконец чрез две недели составил кое-как целую книгу без всякой посторонней помощи».

Вяземский хотя всячески и придирался и пытался даже сам поправить вступление, все же представил «начертание» императрице, которая его утвердила и впоследствии оно вошло в Полное собрание законов.

В июне 1782 г. Державин получил чин статского советника. Тогда же он написал свою знаменитую оду «Фелица», которую, по совету его друзей Н.А. Львова и В.В. Капниста, не стал отдавать в печать, опасаясь гнева осмеянных им вельмож. Однако О.П. Козодавлев, без разрешения автора, снял с нее копию. Ода стала известна в Петербурге, а 19 мая 1783 г. княгиня Е.Р. Дашкова, президент Российской Академии, опубликовала ее в части первой «Собеседника любителей русского слова».

А.А. Вяземский

Ода настолько понравилась Екатерине II, что она направила поэту золотую табакерку с 500 червонных с надписью: «Из Оренбурга от Киргизской Царевны мурзе Державину».

Публикация оды сразу же сделала Державина знаменитым. Он, по общему признанию, выдвинулся в число первых поэтов России. Вскоре он стал членом Российской Академии.

Однако ода вызвала гнев непосредственного начальника Державина генерал-прокурора Вяземского, который то ли усмотрел в ней сатиру на себя, то ли не мог смотреть равнодушно на славу своего подчиненного. Отношения стали натянутыми. Окончательный же разрыв произошел после следующего случая. От губернаторов в конце года поступали ведомости об ожидаемых доходах. На их основании Экспедиция о государственных доходах составляла так называемый «доходный табель» на следующий год. Ведомости, поступившие в 1783 г., свидетельствовали о том, что намечалось заметное повышение доходов. Однако генерал-прокурор Вяземский, ссылаясь на неполноту сведений, приказал составить «табель» по старым отчетам губернаторов. Таким образом, доходы государства были бы показаны ни-

Н.А. Львов

же тех, которые поступили бы в действительности. Державин стал категорически возражать против такой фальсификации, к которой частенько прибегал Вяземский, а до него еще генерал-прокурор Глебов. И он решил во всем разобраться сам.

Державин взял ведомости домой, сказался больным, и через две недели представил собранию Экспедиции о государственных доходах составленный им «табель», где доходы оказались на восемь миллионов рублей больше, чем в предшествующем году. После этого служить с Вяземским стало невозможно — придирка следовала за придижкой. Державин вынужден был подать прошение об отставке. 15 февраля 1784 г. он был уволен, получив в награду чин действительного статского советника.

«ИЗВЕДИТЕ ИЗ ТЕМНИЦЫ ДУШУ МОЮ...»

Некоторое время после отставки Державин отдыхал в Нарве, писал стихи, переводил. Здесь он завершил свою знаменитую оду «Бог», которая была напечатана в «Собеседнике» (1784 г., ч. 13). По возвращении в столицу он узнал, что Екатерина II назначила его Олонецким губернатором. Указ об этом состоялся 22 мая 1784 г.

Державин выхлопотал себе отпуск — ему хотелось навестить мать. В дороге он подзадержался, и мать в живых уже не застал. В декабре 1784 г. он прибыл в губернский город Олонецкого наместничества Петрозаводск. Генерал-губернатором Олонецкого и Архангельского наместничеств, то есть непосредственным начальником Державина, был сорокачетырехлетний генерал-поручик и кавалер Тимофей Иванович Тутолмин. Он получил образование в Сухопутном кадетском корпусе, участвовал в Семилетней, а потом и в русско-турецкой войне. За храбрость был награжден Георгиевским крестом. Затем служил последовательно губернатором Таврического наместничества, Тверского и Екатеринославского. Здесь он изумлял всех своей роскошной жизнью и расточительством. Знавшие его люди отзывались о нем, как о «высокомерном, пристрастном и сребролюбивом» человеке.

Олонецкая губерния официально была открыта 17 декабря 1784 г. В этот день открылись новые учреждения, состоялись выборы в губернские и уездные присутственные мес-

та из дворян, городских жителей и крестьян. Все это сопровождалось молебствием, пушечной пальбой, пиршеством и балами, растянувшимися на целую неделю. Тутолмин любил праздновать.

Отношения с новым начальником складывались у Державина непросто. Вначале вроде бы все шло хорошо, но потом положение изменилось. Открытый, правдолюбивый поэт пришелся явно не по душе заносчивому и честолюбивому генерал-губернатору, не любившему пререканий. В своих «Записках» Державин писал: «С первых дней наместник и губернатор дружны были, всякий день друг друга посещали, а особливо последний первого; хотя он во всех случаях оказывал почти несносную гордость и превозношение, но как это было не в должности, то и подлаживал его правитель губернии, сколько возмог и сколько личное уважение требовало».

Отношения окончательно испортились, когда Тутолмин прислал в губернское правление разработанное им постановление о производстве дел во всех учреждениях, так называемый «новый канцелярский обряд», целый ворох разработанных им собственных законов. Тутолмин потребовал, чтобы они непременно исполнялись в губернском правлении, палатах и во всех присутственных местах. Ознакомившись с этими «законами», Державин пришел в замешательство. Они не только противоречили императорским указам, но и были во многих частях «несообразны» и неудобноисполнимы. Например, директору экономии предписывалось представлять годовые ведомости о том, сколько десятин леса засажено. Это в Олонецкой-то губернии, сплошь покрытой в то время непроходимыми лесами. Удивляясь «такой дичи и грубому дерзновению», Державин показал Тутолмину императорский указ, в котором отмечалось, чтобы наместники «не делали от себя собственно никаких установлений, но всю власть звания своего ограничивали в охранении наших постановлений». Все свои предложения по изменению законов правители должны были представлять в Сенат. Тутолмин, побледнев от гнева, сказал, что он пошлет курьера к генерал-прокурору Вяземскому и спросит его мнения на этот счет. Через несколько дней пришел ответ от Вяземского: «Чего, любезный друг, в законах нет, того исполнять невозможно». В письме же к Державину генерал-прокурор просил не очень-то придирается к нововведениям Тутолмина.

С этого времени началась почти открытая борьба между генерал-губернатором Тутолминым и губернатором Державиным. Жители города раскололись на две партии. Кто-то из чиновников держал сторону губернатора, но большинству он был все же непонятен своим постоянным стремлением к справедливости. Сторону Тутолмина держал, в частности, губернский прокурор Грейц, который натравливал на губернатора подчиненных ему прокуроров и стряпчих. Державин писал по этому поводу: «В угодность генерал-губернатора и генерал-прокурора, привязываясь к губернатору, прокуроры и стряпчие всякий день входили с дельными и не дельными доносами и протестами в правление. Между прочими, коих всех описывать было б пространно и ненужно, подан был протест прокурора в медленном якобы течении дел».

Масла в огонь подлил своей неожиданной выходкой заседатель верхнего земского суда Молчин. Однажды, в мае 1785 г., он шел на службу. Во дворе губернаторского дома он увидел медвежонка, принадлежащего ассессору Аверьянову, жившему во флигеле. Присутствия в тот день в суде не было, а председатель суда Тутолмин (двоюродный брат генерал-губернатора) находился в отпуске. От нечего делать, Молчин взял медвежонка с собой. Придя в суд, шутя сказал: «Вот вам, братцы, новый заседатель, Михайла Иваныч Медведев». Все так и осталось бы шуткой, если бы досужие злые языки не раздули эту историю. Она дошла даже до Петербурга, где ее пересказывали в явно невыгодном для Державина свете: будто бы по приказанию губернатора, в насмешку над председателем суда Тутолминым, который был не шибко грамотный, был приведен в суд и посажен на председательское место медведь, и секретарь-де подносил ему для скрепы лист бумаги, к которому, намарав лапу медведя чернилами, прикладывали.

Державин добился от губернского правления принятия резолюции о том, чтобы генерал-губернатор сделал выговор заседателю Молчину за его «неуважительный проступок». Однако Тутолмин приказал отдать заседателя под суд. Здесь уж воспротивился Державин. И дело завертелось. Губернский прокурор Грейц отправил в Петербург протест, а генерал-губернатор Тутолмин — жалобу на Державина. Дело дошло до Сената, который потребовал от губернатора объяснения. Державин написал в ответ, что «в просвещенный век Екатерины не мог он подумать, чтоб почлось ему в обвинение, когда он не почел странного сего случая за

важное дело и не велел произвести по оному следствия, как по уголовному преступлению, а только словесный сделал виновному выговор, ибо даже думал непристойным под именем Екатерины посылать в суд указ о присутствии в суде медведя, чего не было и быть не могло». Дело положили под сукно, однако, сама история с медведем помнилась еще долго.

8 июня 1785 г., устав отбиваться от нападков и придинок, Державин в отчаянии писал А.А. Безбородко: «От всех нелепых привязок у меня голова вскружилась. Тимофей Иванович (Тутолмин — *Авт.*) дневными своими предложениями в наместническое правление произвел не токмо ко мне от всех отвращение, но, можно сказать, благопристойный бунт... Только и знаю, что делаю сражения, не выходя из пристойности. На сколько-нибудь в отдохновение еду на будущей неделе осматривать губернию и елико можно далее в лопские погосты. Изведите из темницы душу мою!».

Державин выехал знакомиться с губернией 19 июня 1785 г. Его сопровождали секретарь Грибовский и экзекутор Эмин. Путешествие продолжалось почти три месяца. Державин посетил самые отдаленные селения губернии, подробно ознакомился с жизнью и бытом населения, решая попутно административные вопросы.

На многие распоряжения Тутолмина Державин делал письменные замечания. Интересны его замечания на «камеральное описание» губернии, составленное генерал-губернатором в феврале 1785 г. Это «описание» Тутолмин представил Екатерине II. Державин взял его с собой в путешествие, по пути изучал и делал свои пометки. Так, Тутолмин писал: «Вообще во всех уездах несравненно более зажиточных, нежели бедных поселян». Державин комментирует это так: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таковых видал внутри государства... Но, должен сказать сие-то малое количество зажиточных крестьян и есть причиною, что более бедных». Далее генерал-губернатор отмечал в своем «описании»: «Наклонность к обиде, клевете, обманам и вероломству суть предосудительные свойства обитателей сей страны».

Державин увидел совсем другой народ во время своей поездки. Близкое общение с ним позволило ему написать: «Все сие о нравах Олончан, кажется, не очень справедливо... По моему примечанию, я нашел народ сей разумным,

расторопным и довольно склонным к мирному и бессорному сожителству. Сие по опыту я утверждаю».

Из своих заметок Державин составил записку, которую вместе с другими бумагами отправил графу Воронцову.

По поводу «описаний» он говорил также своему приятелю Львову: «В камеральных описаниях написано, что открыты больницы и нормальные школы..., но это неправда, для того, что еще и деньги не все в процент отданы, на которые содержать заведение должно. Больница строится, а школ и в помине нет! Подобно о здешней коммерции, о свойстве земли, о раскольниках и наврано и солгано».

Правдивость Державина еще более вызывала ненависть к нему со стороны генерал-губернатора.

Державин усиленно ходатайствовал о переводе его в другую губернию. По возвращении из путешествия сообщение о его переводе пришло. Он стал готовиться к сдаче губернии, передаче дел. Для этого провел осмотр присутственных мест. В приказе общественного призрения, у казначея Грибовского, который сопровождал его в поездке, обнаружилась недостача в восемь тысяч рублей. Губернатор потребовал объяснений. Казначей сказал, что семь тысяч он раздал купцам, не взяв с них расписок, а одну тысячу рублей проиграл в карты, ведя игру с вице-губернатором, губернским прокурором и председателем уголовной палаты.

Державин не стал отдавать под суд Грибовского, а поступил настолько необычно, что эта история надолго запомнилась местным обывателям. Отпустив Грибовского в седьмом часу вечера, Державин вызвал к себе вице-губернатора и спросил его, что делать с растратчиком. Тот сказал, что надо поступить по всей строгости закона. Тогда Державин дал ему прочитать объяснение Грибовского. Увидя свое имя среди игравших в карты, вице-губернатор вначале «взбесился, потом оробел и в крайнем замешательстве уехал домой».

Таким же образом Державин поступил с председателем палаты и губернским прокурором. Однако последний не испугался и сказал, что даст делу ход.

На следующее утро Державин призвал к себе купцов, которые сознались, что брали деньги у Грибовского, и написали расписки. Тысячу рублей губернатор внес от себя. Вот как описывает сам Державин дальнейшие события: «Ко времени присутствия прокурор принес в правление протест, в котором изъяснял, что губернатором был призван в необыкновенное время, ночью, где ему показана бумага, в которой умышленно замешан в карточной игре. Со-

ветники сего протеста не приняли, сказав, чтоб он сам отдал его губернатору. Он и действительно то сделал, но губернатор принял его со смехом, сказав, что он все затевает пустое, что он его никогда к себе не призывал и деньги никакие в приказах не пропадали, в удостоверение чего поручает ему самому освидетельствовать денежную казну и книги по документам. Прокурор удивился, сходил в приказ и нашел все в целости и в порядке, возвратился. Губернатор, издрав его протест, возвратил ему как сонную грезу, и, приказав подать шампанского, всем тут бывшим и прокурору поднес по рюмке, выпивал сам и отправился в Петербург, оставя благополучно навсегда Олонецкую губернию, не сделав никого несчастливым и не заведя никакого дела».

Державин пробыл в Олонецкой губернии менее года. За это время он открыл больницу, установил таможду на границе со шведской Лапландией, разработал устав о раздаче лапландцам хлеба, сумел пресечь крестьянские беспорядки, издал распоряжение, направленное против самосжигания раскольников, и осуществил ряд других мероприятий.

«НЕ СБИВАТЬСЯ С ПУТИ ЗАКОНОВ»

15 декабря 1785 г. Державин был назначен Тамбовским губернатором. Губерния входила в состав Рязанского и Тамбовского наместничеств, во главе которых стоял генерал-губернатор Иван Васильевич Гудович. В молодости он посещал германские университеты, хорошо знал несколько иностранных языков. На военной службе отличался исключительной храбростью и дослужился до чина генерал-поручика. Любимым его развлечением была охота, которой он отдавал все свободное время. Гражданская служба мало интересовала его, поэтому он почти полностью полагался на губернаторов. При Павле I Гудович стал графом, возглавлял Кавказскую губернию. В царствование Александра I за подвиги на Кавказе, он был удостоен чина генерал-фельдмаршала, а в 1812 г. стал членом Государственного совета. По отзывам современников, это был человек «нрава горячего, правил строгих». С виду он казался угрюмым и неприступным, в то время как в кругу приятелей и друзей становился «ласковым и приветливым».

Со времени открытия губернии до назначения Державина, то есть за шесть лет, в Тамбове сменились четыре губернатора: А.И. Салтыков, М.М. Давыдов, П.П. Коновницын и Г.Д. Макаров. Последний из них был человек честный, но довольно слабый администратор. Когда в марте 1786 г. Державин прибыл в Тамбов, то застал дела в губернии «в сильном расстройстве».

В Тамбовской губернии Державин прослужил почти три года. Первое время отношения с генерал-губернатором складывались благополучно. Гудович полностью доверил дела деятельному и активному Державину. Державин принялся за серьезные преобразования. Он навел порядок в делопроизводстве присутственных мест, добился открытия типографии; выписал из Петербурга множество указов и законов, о которых местные власти не имели и понятия; добился исправности в сборе податей и недоимок, искореняя попутно беспорядочность в хранении казны. За его губернаторство в Тамбовской губернии были проложены новые дороги, сооружены мосты, развито судоходство по реке Цне; отремонтированы старые постройки и возведено немало новых. Проявляя заботу о населении, Державин деятельно занимался устройством больниц, богаделен, сиротского дома.

Многое им было сделано также в области культуры и образования: открыто народное училище, театр, учреждена губернская газета и др.

Большое внимание Державин уделял работе судебных учреждений, предупреждению преступлений, содержанию колодников, обращению к ним. В конце 1786 г. Он лично осмотрел тамбовскую тюрьму. Вот как он описывает свое впечатление об этом: «При обозрении моем губернских тюрем в ужас меня привело гибельное состояние сих несчастных (то есть колодников). Не только в кроткое и человеколюбивое нынешнее, но и в самое жестокое правление, кажется, могла ли когда приуготовляться казнь, равная их содержанию, за их преступления, выведенная из законов наших. Более 150 человек, а бывает, как сказывают, нередко и по 200, повержены и заперты, без различия вин, пола и состояния, в смердящие и опустившиеся в землю, без света, без печей, избы или, лучше сказать, хлевы. Нары, подмощенные от потолка не более $\frac{3}{4}$ расстоянием, помещают сие число узников. Следовательно, согревает их одна только теснота, а освещает между собой одно осязание. Из сей норы едва видны их полумертвые лица и высунутые головы,

Ф.В. Растопчин

произносящие жалобный стон, сопровождаемый звуками оков и цепей».

Державин добился значительного улучшения состояния тюрьмы, где устроены были кухня и лазарет, наведены возможная чистота и порядок. По его словам, после этого посещения, он «разобрал по точной силе законов вины преступников, содержащихся без всякого прежде различия в тюрьмах». Он сделал распоряжение, которым некоторых колодников отпустил «по распискам и поручительствам»; одних предписал содержать строже, других — слабее, «рассядя их всех по особым номерам, по мере их вин и преступлений».

Державин сам внимательно вникал в расследование преступлений. Так, он помог «открыть убийство» княгини Де-

влеткольдской, совершенного ее племянником Богдановым, которое скрывал местный городничий.

Генерал-губернатор Гудович был человек весьма своеобразный. По выражению графа Ф.В. Растопчина, он был «столько же мстителен, сколько груб, глуп, горд и бешен». Когда интересы Гудовича не затрагивались, он в дела губернатора не вмешивался. Более того, всячески поощрял Державина и даже представил его к награде, написав в представлении, что тот «всю губернию привел в порядок». И это была правда.

Однако вскоре у Державина произошла серьезная стычка с Гудовичем по делу тамбовского купца Бородина. Этот купец при поставке кирпича обманул казну, а потом еще добился винного откупа на таких условиях, что казна неминуемо теряла полмиллиона рублей. До Державина дошло также, что Бородин собирается учинить еще одно мошенничество — ложно объявить о банкротстве. Державин мириться с этим не мог. Он наложил арест на имущество купца Бородина. Генерал-губернатор Гудович встал на защиту купца и направил в Сенат рапорт о самоуправстве Державина. Там генерал-прокурор Вяземский, казалось, только этого и ждал. Он дал делу ход, и на Державина был наложен штраф в 17 тыс. рублей.

Не успело закончиться это дело, как возникло новое. В конце марта 1788 г. в Тамбовскую губернию приехал комиссионер Гарденин, которому главнокомандующий Потемкин, в связи с войной с Турцией, поручил закупить провиант для армии. Губернская казенная палата, в соответствии с сенатским указом, обязана была снабдить его деньгами для этой цели «без задержания». Однако вице-губернатор, в ведении которого находилась казенная палата, отказался выдать деньги, ссылаясь на их отсутствие, после чего сразу же уехал якобы на осмотр липецкого винокуренного завода. Поскольку невыполнение сенатского указа грозило губернатору неприятностями, Державин вызвал к себе казенных дел стряпчего и велел ему подать ведомость о том, какая сумма находится в наличии, и куда какие суммы истрачены. Вскоре стряпчий вернулся и сказал, что ему эту ведомость без разрешения вице-губернатора не дают. Державин разгорячился. Он выдал ордер на освидетельствование казны. Проверка выявила многочисленные нарушения: более 150 тыс. рублей «валялись» вовсе без всякой записи, из которых вице-губернатор раздавал деньги бесконтрольно, кому хотел; провиантские деньги в сумме около 200 тыс. руб. оказались невыс-

данными по месту их ассигнования. Таким образом, Державин обнаружил денег гораздо более той суммы, которая требовалась. Одновременно вскрылась и недостача 500 тыс. рублей казенных денег. Документы были в беспорядке. Все результаты проверки были записаны, как и положено, в журнал, в котором расписались Державин, губернский и уездный стряпчие и другие присутствовавшие при этом лица. О результатах Державин сообщил генерал-губернатору Гудовичу и информировал Сенат.

Вскоре до Державина дошло сообщение, что казенная палата была необоснованно оклеветана перед Сенатом, о чем она послала свой рапорт генерал-прокурору Вяземскому. Державин вызвал к себе губернского прокурора и спросил, правда ли, что казенная палата сделала определение в опровержении донесения губернатора. Прокурор это подтвердил. Державин спросил прокурора: «Для чего вы не соблюли свою должность, в учреждении вам предписанную, где вам велено доносить губернскому правлению о всех происшествиях? Видя и пропуская определение казенной палаты, не донесли правлению, которая могла принять меры и открыть истину?» Эти вопросы привели прокурора в замешательство, и он не знал, что отвечать. Тогда Державин сказал, что если прокурор не исполнит своей должности, то он донесет о всех беззакониях прямо императрице. Прокурор на другой день официально подал рапорт губернскому правлению об определении казенной палаты. Это дало основание губернатору пригласить председателей палат. При них он собрал чиновников, бывших при освидетельствовании казны, которые подтвердили все выявленные при ревизии недостатки.

Вся эта история вывела из себя генерал-губернатора Гудовича, который написал жалобу в Сенат о том, что Державин грубит ему, не исполняет его указаний и т.п. Сенат потребовал от губернатора объяснения. Не успел Державин ответить, как в Сенат поступила очередная жалоба Гудовича. Это дало основание недругам поэта обвинить его в том, что он игнорирует Сенат и не дает ответа на указ.

Петербургские друзья Державина, зная все перипетии его борьбы с Гудовичем, предлагали ему остерегаться и не горячиться. На это поэт в одном из писем ответил им: «Иногда не безнужно иметь и врагов, чтобы лучше не сбиваться с пути законов».

Императрице Екатерине II был представлен доклад с обоснованием вины Державина. В нем отмечалось, что он «дерзновенно отвергает должное повиновение» власти начальства и «развращает дело службы». Предлагалось отдать его под суд Сената. Императрица этот доклад не утвердила. Тогда Гудович обратился к Безбородко с сообщением о новых оскорблениях, якобы, нанесенных ему Державиным. Он просил «удалить» Державина из губернии. Только после этого Екатерина II утвердила сенатский указ об увольнении Державина с должности губернатора и об отдаче его под суд.

В.В. Капнист

Так бывший Тамбовский губернатор попал под суд. Вынесение решения затянулось на полгода. В июне 1789 г. был оглашен приговор. В нем говорилось: «1) Из всех присланных генерал-губернатором на Державина жалоб и из ответов сего последнего, не меньше как и из обстоятельств самого дела, ничего другого не установлено, кроме личных их одного против другого неудовольствий, чрез что Державин лишился своего места, а тем самым и все личные неудовольствия между тем и другим кончились;

2) что кроме личного неудовольствия генерал-губернатора, из всего вышеизъясненного, никакого впрочем злоупотребления и как казенному интересу упущения, так и частным лицам со стороны Державина претеснения не последовало и ни от кого никаких на то жалоб не вышло, далее же все то предает Сенат всемилостивейшему Вашего Императорского Величества благоволению».

Таким образом, Державин был фактически Сенатом оправдан. Это решение подписали сенаторы И. Чернышев, П. Вырубов, П. Хитрово, П. Волконский и М. Ржевский.

Екатерина II согласилась со всеми выводами Сената.

По этому поводу Державин писал 18 июля 1789 г. В.В. Капнисту: «Спешу, мой любезный друг Василий Васильевич, сообщить тебе наше удовольствие. Дело мое кончено. Гудович дурак, а я умен. Ее Величество с особливым вниманием изволила рассмотреть доклад 6-го департамента о моих проступках, о которых Гудович доносил, и приказала мне чрез статс-секретаря объявить свое благоволение, точно сиими словами: «Когда Сенат уже его оправдал, то могу ли я чем обвинить автора Фелицы?», вследствие чего дело повелено считать решенным, а меня представить. Почему я в Царском ныне и был представлен; оказала мне отличное благоволение, когда пожаловала руку, то окружающим сказала: «Это мой собственный автор, которого притесняли».

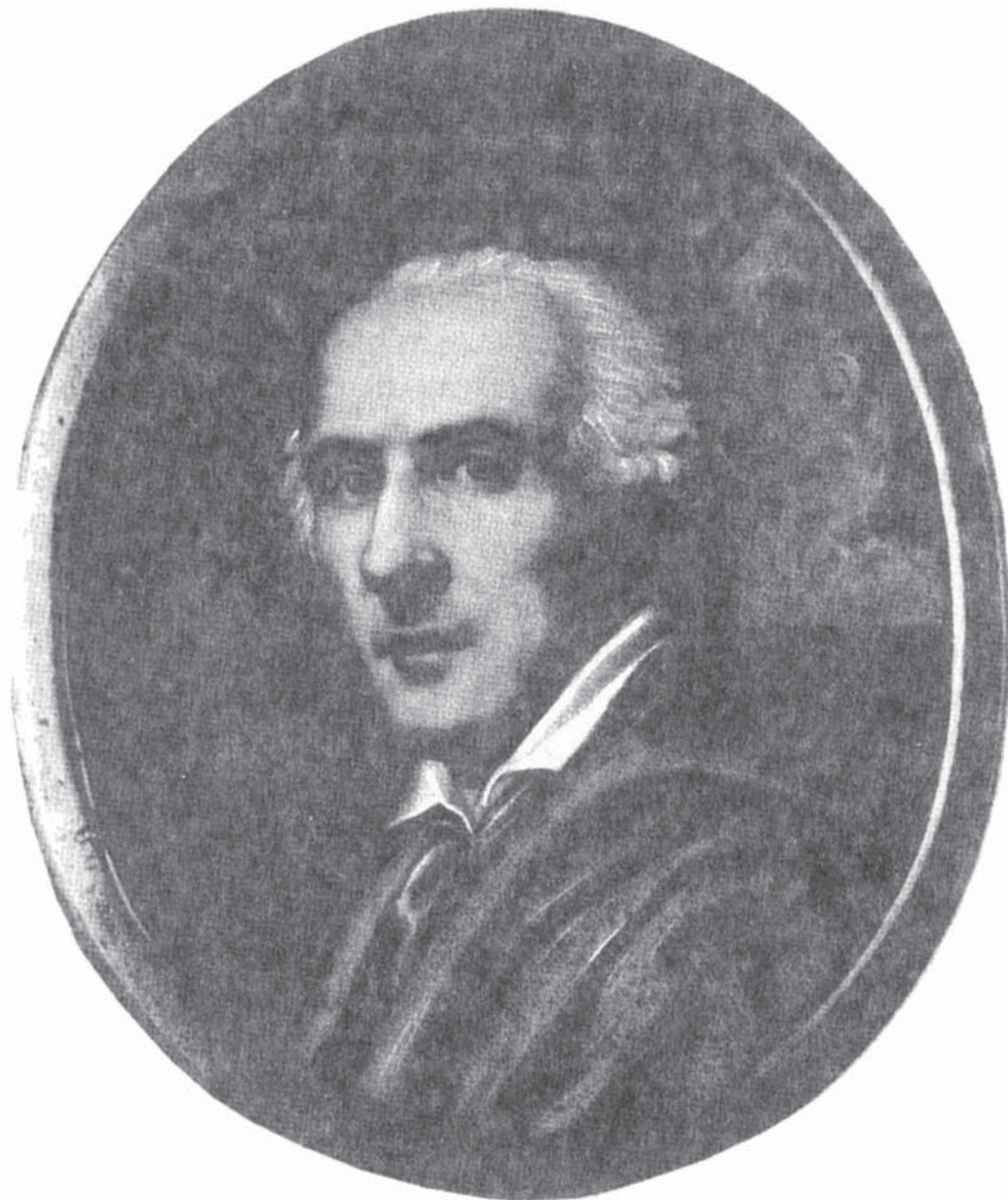
Однако никакой новой должности Державину предоставлено не было. Поэт добился еще одной аудиенции у императрицы. 1 августа 1789 г. статс-секретарь Храповицкий записал: «Провел Державина в Китайскую и ждал в Лионской. — Императрица ему сказала, что «чин чина почитает... В третьем месте не могу ужиться; надобно искать причину в себе самом. Он горячился и при мне. Пусть пишет стихи...» Велено выдать неполученное им жалованье, а граф Безбородко прибавил в указе, чтоб и впредь производить оное до определения к месту».

Все попытки Державина вернуться на государственную службу ни к чему не приводили.

«И ИСТИНУ ЦАРЯМ С УЛЫБКОЙ ГОВОРИТЬ...»

Оставаясь не у дел, Державин всецело посвятил себя поэзии. В этот период он создает такие произведения, как оду «На шведский мир», «Песнь лирическая Россу по взятии Измаила», начал знаменитую оду «Водопад» и др. Он ак-

тивно сотрудничал в журналах. Его квартира в Петербурге, в двухэтажном флигеле на Фонтанке, становится местом притяжения талантливой творческой молодежи: сюда постоянно приходят И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин, А.Н. Оленин, И.С. Захаров и многие другие.

П.А. Зубов

Творческие дела складывались хорошо, но Державину, с его неутомимым, зажигательным характером этого было мало. Его кипучей натуре нужна была деятельность — он рвался на службу. Но три года ему не предлагали никакого места, даже пустяшного, хотя он и пытался повлиять на Екатерину II через ее фаворитов, в частности, молодого Платона Зубова. Наконец помог случай. В конце 1791 г. Екатерина II узнала, что 2-й департамент Сената допускает перенос нерешенных дел из одной губернии в другую.

Ей это показалось незаконным, и она предложила П.А. Зубову тщательно во всем разобраться. Тот не знал, как приступить к делу. Наконец, как бы невзначай, он заинтересовался этим вопросом у Державина. Поэт, хорошо знавший законы, в частности, учреждение о губерниях, сразу же сказал, что передача нерешенного губернским правлением или палатой дела в другую губернию запрещена. «Да и нужды в том нет, — добавил он, — ибо всякий недовольный имеет право передать свое дело по апелляции вплоть до Сената. А передача дел из губернии в губернию делается только с целью, чтобы его еще более запутать». Зубов молча выслушал Державина и сразу же перевел разговор на другую тему.

В то время, в связи с болезнью генерал-прокурора Вяземского, его должность исполнял обер-прокурор Федор Михайлович Колокольцев. Вскоре после состоявшегося разговора Зубова с Державиным, Екатерина II, встретив во Дворце Колокольцева, гневно набросилась на него со словами как он смеет коверкать ее законы. Перепуганный обер-прокурор только и смог сказать, что он ничего не знает: «Как не знаешь? — грозно спросила императрица. — Я усмотрела из мемории, что переводятся у вас в Сенате во 2-м департаменте, где ты обер-прокурором, нерешенные дела из одной губернии в другую; а именно следственное дело помещика Ярославова передано из Ярославской губернии в Нижегородскую; и в учреждении моем запрещено; для чего это?». Колокольцев только и смог сказать, что таких дел много. Екатерина II приказала ему немедленно подать ей список переведенных дел.

В тот же день Зубов объявил Державину, что императрица назначает его своим статс-секретарем. 12 декабря 1791 г. последовал указ: «Всемилоостивейше повелеваем действительному статскому советнику Гавриилу Державину быть при нас у принятия прошений». Державину предоставилась возможность, как он писал впоследствии в своем знаменитом стихотворении «Памятник», «истину царям с улыбкой говорить». Однако вскоре он убедился, что истина как таковая менее всего нужна была державной монархине.

Державин стал одним из восьми секретарей императрицы. Во Дворце он занял комнату рядом с кабинетом Храповицкого, с которым был особенно дружен.

В первый же день Екатерина передала Державину рапорт обер-прокурора Колокольцева и представленную им выписку из дел, переданных из одной губернии в другую,

и предложила дать заключение о законности принятых решений. На следующий день Державин представил свои замечания и императрица распорядилась написать указ Сенату с выговором за несоблюдение законов, что и было им исполнено. После этого проект указа она направила в Императорский Совет. Там сочли нужным получить «ответы» от лиц, допустивших отступления от законов: генерал-прокурора Вяземского, обер-прокурора Колокольцева, а также обер-секретарей Цызырева и Ананьевского. Вяземский сослался на свою болезнь; Колокольцев признавал свою вину и просил о милосердии; обер-секретари оправдывались всяческими «канцелярскими оборотами». Выслушав ответы, Екатерина II так и не приняла окончательного решения, и проект указа положила под сукно.

Екатерина II

Державин готовил для Екатерины II еженедельные доклады по сенатским приговорам. Дела изучал всегда скрупулезно и основательно, так что никакого отступления от закона, частенько тогда практиковавшегося, не пропускал. Его замечания часто шли вразрез с мнением генерал-прокурора, да и самой императрицы. Своей правдивостью он наскучил Екатерине II, и она предложила ему сообщать свои замечания непосредственно обер-прокурорам Сената. Однако заключения по серьезным делам ей приходилось выслушивать лично.

Одно дело Державин докладывал императрице в течение нескольких месяцев. Это было запутанное и многотомное дело Иркутского генерал-губернатора Якоби, обвиненного Сенатом, с подачи генерал-прокурора Вяземского, «в намерении возмутить Китай против России», возникшее еще в 1784 г. Оно тянулось в течение семи лет, и один только сенатский экстракт, то есть изложение дела, состоял из трех тысяч листов. Державин долго и тщательно изучал дело, а потом составил по нему три заключения: пространное — на двести пятьдесят листов, короткое — на пятнадцати, и кратчайшее — всего на двух листах. Суть их была в одном — Якоби не виновен.

Екатерина II, выслушав кратчайшее заключение, никакого решения не приняла, а предложила Державину прочитать весь сенатский экстракт, выделив два послеобеденных часа. Чтение заняло четыре месяца, а потом еще продолжалось с перерывами до ноября 1792 г. Выслушав все дело, Екатерина II согласилась с заключением Державина. Был подготовлен проект указа, который императрица предложила своему статс-секретарю Безбородко показать его Терскому, начальнику рекетмейстерской конторы, принимавшей жалобы на действия коллегий, и начальнику Тайной экспедиции Шешковскому «для апробации». Безбородко посчитал низким для себя просмотренный им указ представлять кому бы то ни было, тем более Шешковскому, которого он не мог терпеть. Он предложил сделать это Державину. Тот посчитал, что «честолюбивые перекоры» неуместны, когда речь идет об оправдании обвиняемых, и показал проект указа Терскому и Шешковскому. Последний был «блюстителем», то есть при слушании дела следил за правильностью вынесения решения, и, по словам Державина, находился «в отличной доверенности у императрицы и у Вяземского». Шешковский, приняв на себя «важный, таинственный и грозный тон», начал придирается к мелочам

С.И. Шешковский

и говорить, что в указе «не соблюдена должная справедливость». Державин на это сказал: «Слушай, Степан Иванович, ты меня не собьешь с пути мнимою тобою чрезвычайно к тебе доверенностью императрицы и будто она желает по известным тебе одному причинам осудить невинного. Нет, ты лучше мне скажи, какую ты и от кого имел власть выставлять своею рукою примечания, которые на деле видны, осуждающие строже нежели существо дела и законы, обвиняемого, и тем, совращая сенаторов с стези истинной, замешал так дело, что несколько лет им занимались и поднесли к императрице нерешенным». Шешковский, по словам Державина, «затрясся, побледнел и замолчал». Потом согласился с проектом указа об оправдании Якоби.

Державину приходилось заниматься и другими сложными делами, в частности, делом банкира Сутерланда, бывшего посредником правительства при заключении загранич-

ных займов, растратившего два с половиной миллиона государственных средств. Когда вскрылась растрата, Сутерланд отравился. В ходе следствия, которым руководил Державин, оказалось, что сотни тысяч рублей Сутерланд раздавал под расписки, а то и вовсе на слово, таким приближенным к императрице вельможам, как Потемкин, Вяземский, Безбородко и даже великому князю Павлу Петровичу, что вызвало особый гнев Екатерины II.

Державин настаивал, чтобы дело передали в суд. Однако императрица приказала самый большой долг, восемьсот тысяч рублей, принадлежащий Потемкину, отнести за счет государства, сославшись на то, что у него были «расходы по службе». Остальные деньги она приказала частично взыскать, частично списать.

Занимаясь делом откупщика Логинова, бравшего за взятки в государственном казначействе огромные суммы денег в долг, Державин добился вынесения Сенатом приговора о взыскании с него двух миллионов рублей.

Державин, не дававший спуска казнокрадам и взяточникам, заслужил у Екатерины II репутацию «жестокосердного следователя».

Познакомившийся с ним в этот период Дмитрий Борисович Мертваго, впоследствии генерал-провиантмейстер, автор интересных «Записок» так характеризует Державина: «День ото дня делаясь знакомее с этим человеком, достойным всяческого почтения, и бывая с ним часто по нескольку часов наедине, я наслаждался умными его рассуждениями, клонящими к добру, восхищался его доверенностью и был счастлив знаками его ко мне дружества».

В сентябре 1792 г. Державин был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени, чином тайного советника и назначен сенатором, с повелением присутствовать как в общем собрании, так и в только что открытой Межевой экспедиции. И почти сразу же начались его столкновения с высокопоставленными чиновниками, а также с генерал-прокурором.

Позднее в «Записках» Державин писал об этом периоде: «Когда господа обер-прокуроры, желая иногда сбить сенаторов с правого пути, вмещивались в их рассуждения и наклоняли мысли на ту сторону, куда им хотелось, то он, невзирая ни на какие лица и обстоятельства, сажал их на места, говоря, чтоб они изволили молчать и не мешали рассуждать сенаторам; а когда придет их время, то бы они представляли свои возражения, и ежели они явятся соглас-

ными справедливости и законам, тогда уважены будут... Он имел сшибки не только с обер-секретарями, обер-прокурорами, но и с генерал-прокурорами, а именно с графом Самойловым, а при Павле с князем Куракиным».

Многим это не нравилось. Справедливость и законность Державин отстаивал с такой горячностью и напором, что вызвал неудовольствие остальных сенаторов, жаловавшихся императрице на то, что с ним «присутствовать не можно».

В январе 1794 г. Державин был назначен президентом Коммерц-коллегии, некогда могучей организации. Теперь же, после передачи многих торговых и таможенных дел губернским казенным палатам, функции ее были существенно ограничены. Державин и на этом посту принялся рьяно искоренять злоупотребления и контрабанду. Это не понравилось Екатерине II, которая через генерал-прокурора Самойлова, передала ему устный приказ никакими делами впредь не заниматься, а считаться президентом коллегии, «ни во что не вмешиваясь». Увидев подвох, Державин просил дать письменный указ об этом. Поскольку такого указа не последовало, он подал прошение об отставке, но она принята не была.

По указанию императрицы Державин был включен в комиссию по расследованию злоупотреблений и хищений в Заемном банке, где обнаружилась недостача шестисот тысяч рублей. Председателем комиссии был поставлен директор банка, давнишний недруг поэта, П.В. Завадовский. Кассир Кельберг был арестован. Вскоре выяснилось, что Завадовский знал о хищении и, более того, увез из банка к себе домой два больших сундука. Надо было допрашивать самого председателя комиссии, но на это никто не решился. Материалы следствия передали в Сенат, где дело «замазали». Расследование было объявлено неполным; Кельберга и других мелких чиновников все же осудили, а Завадовский вообще вышел сухим из воды.

15 июля 1794 г. Державина постигло тяжелое горе — умерла его жена Екатерина Яковлевна. Поэт горько оплакивал свою незабвенную Плениру. Он долго был «погружен в совершенную горесть и отчаяние». Державин писал тогда И.И. Дмитриеву: «теперь для меня сей свет совершенная пустыня».

В 1795 г. Державин вступил в новый брак — с девицей Дарьей Алексеевной Дьяковой, «Миленой», как любил называть ее поэт. С ней он прожил до конца своих дней.

Когда на престол вступил император Павел I, Державин был назначен правителем канцелярии Императорского Совета, однако, не прошло и месяца, как 22 ноября 1796 г. поступил новый указ: «Тайный советник Гаврило Державин, определенный правителем канцелярии Совета нашего, за непристойный ответ, им пред нами учиненный, отсылается к прежнему месту». «Непристойный ответ» заключался в том, что Державин посмел спросить Павла I, кем он должен быть в Совете — присутствующим или только начальником канцелярии.

Несколько лет он пробыл сенатором, а с 1800 г. должности, которые занимал Державин, стали чередоваться как в калейдоскопе. 2 апреля 1800 г., продолжая оставаться в Сенате, он был назначен присутствующим в Комиссии законов. В июне послан уполномоченным по борьбе с голодом в Белоруссию, получив после возвращения чин действительного тайного советника и почетный командорский крест Мальтийского ордена. 30 августа он был назначен президентом Коммерц-коллегии, 22 ноября — государственным казначеем, на другой день — членом Императорского Совета. В конце ноября он был переведен из Межевого в 1-й департамент Сената.

Державин всегда пользовался репутацией честного, справедливого и неподкупного человека. Поэтому не случайно к нему часто обращались с просьбами участвовать в третейском суде. На этом поприще он разобрал сотни дел. Среди них были сложные и запутанные, в которых речь шла о миллионных состояниях. Кроме того, поэт с присущим ему бескорыстием осуществлял несколько опеки и попечительства, например, в отношении графа Чернышева, князя Гагарина и др.

12 марта 1801 г. вступивший на престол император Александр I отстранил Державина от всех должностей, оставив только в Сенате. По поручению императора он расследовал злоупотребления, допущенные Калужским губернатором Д.А. Лопухиным, который вел распутную жизнь, пьянствовал, брал взятки. Державин сумел доказать полторы сотни преступлений, совершенных Лопухиным. Собранные материалы представил императору. Однако обладавшему обширными связями Лопухину удалось выпутаться и, по выражению Державина, «правда оказалась в затмении». Лопухин был отстранен только от должности губернатора.

В своих «Записках» Державин с горечью отмечал: «С сожалением или стыдом признаться должен, что никто ни о чем касательно общего блага Отечества, кроме своих собственных польз роскоши, не пекся; одумаются ли правительствующие головы и приложат ли всевозможное истинное попечение о должном во всех частях правления порядка и непоколебимости Отечества...».

«ТЫ ОЧЕНЬ РЕВНОСТНО СЛУЖИШЬ»

Приступая к реорганизации Правительствующего Сената и системы управления, император Александр I поручил подготовить соответствующие проекты. Возникало много вопросов: какими функциями наделить Сенат, восстанавливать ли в прежних правах коллегии, власть которых при Екатерине II почти целиком перешла к палатам и губернским правлениям, или же заменить их министерствами с единоличным управлением?

Негласный (неофициальный) комитет, куда входили П.А. Строганов, В.П. Кочубей, А.Е. Чарторыский и Н.Н. Новосильцев, настаивал на создании министерств, а Сенат предлагалось наделить лишь судебными функциями. Д.П. Троицкий отстаивал коллегии. Платон Зубов считал необходимым преобразовать Сенат в Законодательное собрание.

Подготовил свой проект преобразований высших органов государства и Г.Р. Державин. Сенат он считал нужным разделить на две части: правительствующую и судебную. Правительствующая, по его мнению, должна была делиться на департаменты исполнительный, благочиния, казенного управления, финансов. Судебная — на гражданский, уголовный, межевой департаменты. Сенат должен обладать властью административной и судебной и быть только «охранителем законов». Министров Державин предлагал поставить во главе департаментов, с тем, чтобы они «не иначе были, как опекуны только и надзиратели за успешным течением дел и понудителем оных, имеющие власть предлагать только своему департаменту и по утверждении его входить с докладами к Императорскому Величеству и ничего сами вновь постановляющего или решительного не делать». По его проекту, министры были не только ответственны перед Сенатом, но и даже работали бы под прямым его надзором.

Этот проект понравился императору, но одобрен им не был. За свой труд Державин получил орден Святого Александра Невского.

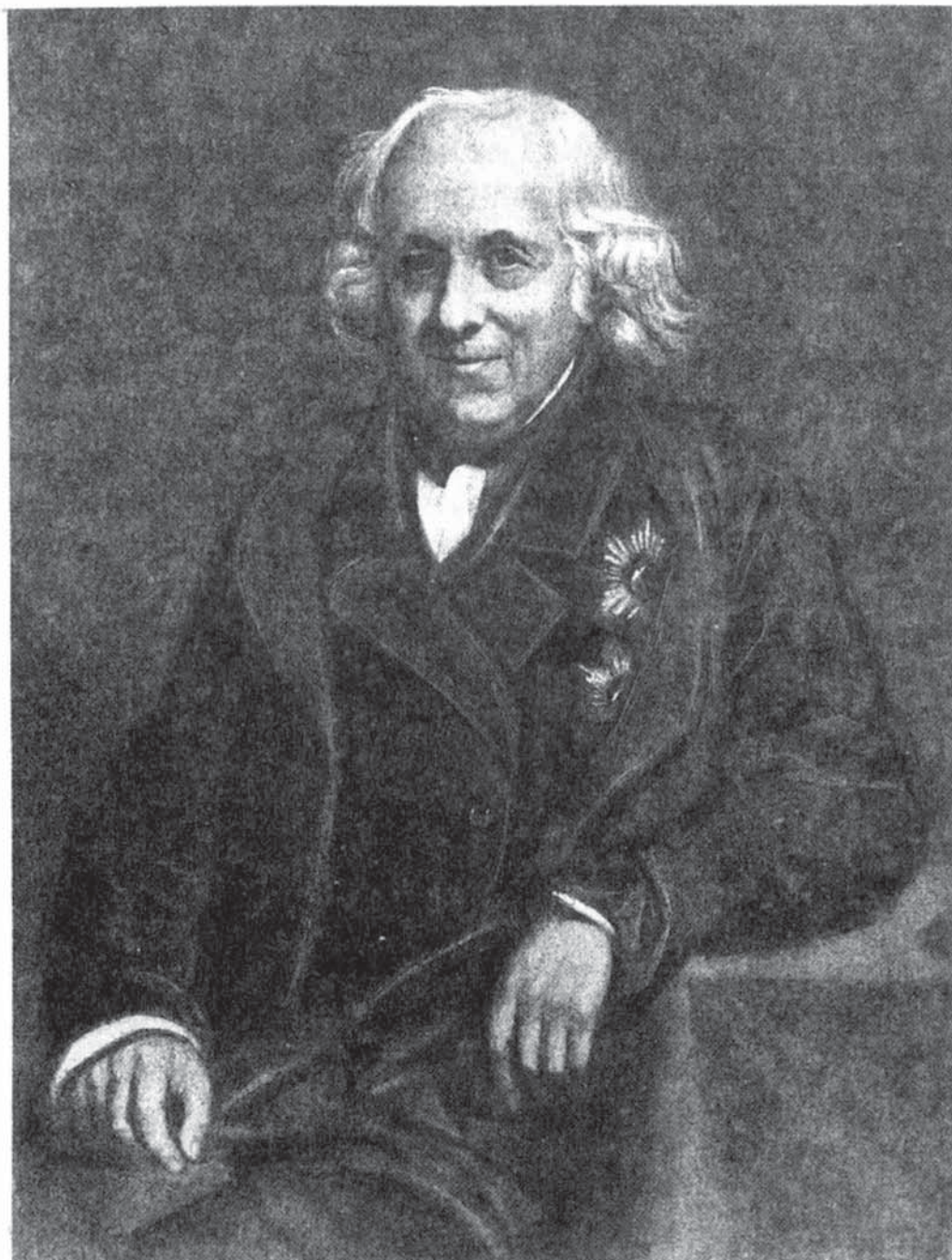
8 сентября 1802 г. к Державину приехал Новосильцев с предложением Александра I занять пост министра юстиции и генерал-прокурора. Державин согласился.

Вместе с ним министрами были назначены: иностранных дел — А.Р. Воронцов; военных дел — С.К. Вязмитинов; морских дел — Н.С. Мордвинов; финансов — А.И. Васильев; просвещения — П.В. Завадовский; коммерции — Н.И. Румянцев; внутренних дел — В.П. Кочубей.

9 сентября 1802 г. у государственного канцлера, министра иностранных дел Воронцова собрались на первое заседание все вновь назначенные министры для обсуждения воп-

П.А. Строганов

Н.С. Мордвинов

роса о порядке занятий их в Комитете министров. По некоторым вопросам Державин проявил инициативу. Так, он предложил приступить к немедленному составлению инструкции для министров, вполне обоснованно полагая, что в противном случае каждый из них будет постоянно вторгаться в область ведения другого. Это предложение встретило категорическое возражение со стороны всех остальных членов Комитета.

На другой день все министры собрались вновь, но уже в присутствии императора. Державин вновь поставил тот же вопрос — об инструкциях для министров. При этом он зая-

вил, что сам лично будет руководствоваться в своей деятельности инструкцией генерал-прокурора. А для того, чтобы предупредить вторжение прокуроров в неподведомственные им дела, он намерен дать на места надлежащие указания. Александр I с этим согласился.

Циркулярный ордер, подготовленный Державиным, был послан прокурорам 26 сентября 1802 года. В нем он предписывал своим подчиненным, что они, усмотрев в присутственных местах «положение несогласное законам, относящиеся ко вреду службы, а паче к ущербу интересам Императорского Величества, или отягощению народному», должны, не останавливая исполнение, «немедленно с приличностию напомнить о сем Губернскому правлению» и донести ему лично. Если какое-либо распоряжение или определение присутственного места, противоречащее закону, последовало по предложению министра, губернский прокурор

А.И. Васильев

П.В. Завадовский

обязан был «донести обстоятельно» генерал-прокурору «с первою почтою». О всех выявленных нарушениях законов, по которым состоялось исполнение, и «отвратить беспорядка, вреда и убытка было бы уже не можно», прокурор обязывался доносить генерал-прокурору по «истечении каждой трети года». В этом ордере Державин вменял в обязанность прокурорам, чтобы они, кроме ведомостей «именных по делам и перечневых о колодниках» доставляли каждый месяц «по делам следственным и уголовным ведомость с примечанием, по какому случаю и поводу, в каком месте дело началось, когда и как решилось», как содержатся «находящиеся под стражею преступники», «имеют ли тюрьмы необходимые к человеческой жизни выгоды» и тому подобное. При расследовании преступлений они должны были наблюдать, «не происходит ли где кому пристрастных допросов, бесчеловечных истязаний и притеснений всякого рода на обвинение невинности». С другой стороны — сле-

дить нет ли «упущения и послабления преступлениям, а наипаче сокрытия нестерпимых злодеяний». Прокурор обязан был добиваться приведения следствия «в надлежащую ясность, точность» и окончания его с «совершенным беспристрастием». Когда «следствия кончены и преступления открыты, — писал Державин, — то предлежит тщательному бдению вашему смотреть за правосудием». Державин предлагал прокурорам оставить «всю не столь нужную переписку», а сообщать ему только по «достойным предметам». В заключение он писал, что о «похвальном служении» прокуроров, которые «рачением, благоразумием и деятельностью» оправдают «законом возложенное» на них доверие, он будет «свидетельствовать, где надлежит». Одновременно предупреждал, что за всякий «беспорядок, злоупотребление и упущение» каждый из прокуроров даст ответ «без малейшего» с его стороны «послабления». По предложению Державина этот ордер был направлен Сенатом во все присутственные места с тем, чтобы они «доставляли» прокурорам все необходимые сведения и «не препятствовали им иметь наблюдение за порядком и благоуспешностию в производстве дел».

С первых дней службы в должности министра Державин повел борьбу с беззаконием, произволом, превышением власти, взяточничеством. В «Записках» он писал, что отправлял службу «со всем усердием, честностию, всевозможным прилежанием и бескорыстием» и всегда шел «по стезе правды и законов, несмотря ни на какие сильные лица и противные против него партии».

На этой почве начались столкновения с вельможами, в том числе и с коллегами-министрами. Так, по закону, введенному еще Петром I, Сенат мог распорядиться казной в сумме не свыше 10 тысяч рублей, а министры вообще должны были предварительно получить согласие Сената. Однако некоторые министры, пользуясь близостью к императору, заключали контракты, не обращаясь в Сенат, на миллионы рублей. Затем добивались утверждения их императором. По словам Державина, министры «тащили казну всякий по своему желанию». Державин решил положить этому конец.

И Державин с поднятым забралом бросился в бой. Как ни странно, решительный протест генерал-прокурора против таких разорительных для государства действий министров не нашел поддержки у императора. У министров же вызвал только озлобление.

Державин понимал, что наживает себе только врагов. Поэтому, докладывая дела императору, он не раз напоминал ему о том, что, защищая законность, он много себе «наделал новых злодеев» и что они «не приминут его всячески очернивать и приводить к нему в немилость». На это Александр I, мягко улыбаясь, обычно говорил, чтобы он исправлял свою должность, не боясь никого, по законам, а он его «не выдаст».

Александр I

Однако на деле все происходило иначе. Беспрестанные столкновения с сановниками приводили к тому, что, как писал Державин, он стал скоро «приходить у императора в остуду, а у министров во вражду».

Не все гладко было и в отношениях его с Сенатом. Здесь тоже приходилось бороться жестко и бескомпромиссно, что-

бы отстоять законность. Одно из наиболее серьезных столкновений с Сенатом произошло по следующему поводу. В Манифесте о вольности дворянства (1762 г.) и в Жалованной грамоте дворянам (1785 г.) было установлено, что дворяне, не выслужившие офицерского чина, не могли выходить в отставку до истечения 12 лет действительной службы. Закон в этой части дворяне часто нарушали. Многие, едва поступив в полк, заявляли об отставке. По докладу военного министра Вязмитинова состоялось Высочайшее повеление о восстановлении закона в части службы дворян «в полной силе».

Когда указ отослали для исполнения, один из сенаторов, Потоцкий, признавая его унижительным и крайне стеснительным для дворян, представил записку, в которой доказывал необходимость ходатайствовать перед императором об его отмене. Возмущенный этим Державин во время доклада дела Александру I стал объяснять вредность высказанных Потоцким мыслей и необоснованность его вмешательства в оконченное уже дело. Но император прервал генерал-прокурора словами: «Сенат это рассудит, а я не мешаюсь». Во время слушания записки Потоцкого в Сенате возникли столь бурные прения, что Державину, как генерал-прокурору, для восстановления порядка пришлось ударить по столу молотком, к которому со дня смерти Петра I никто не прикасался.

В этой борьбе, разыгравшейся на почве дворянских привилегий, Державин одержал победу. Но его энергичный, даже резкий образ действий во время слушания дела в Сенате, вызвал осуждение не только в правительственных кругах, но и среди многих дворян. Дело дошло до того, что на улицах Москвы выставлялись испачканные грязью бюсты Державина.

Державин отстаивал свои взгляды даже тогда, когда сознавал, что идет вразрез с волей императора. Он не стеснялся открыто выражать свое несочувствие многим преобразованиям, открыто порицал молодых советников Александра I. Сам он писал: «Держась сильно справедливости, не отступал от нее ни на черту, даже в угодность самого императора».

Об этом свидетельствует такой случай. В Нижнем Новгороде некий чиновник уголовной палаты был задержан полицией за ссору на улице. Дело передали губернатору, который приказал наказать его палками. Председатель уголовной палаты вступился за арестованного, заявив губернатору

ру, что обвиняемый, в случае если он действительно совершил проступок, может быть наказан не иначе, как по приговору суда. Раздраженный заступничеством председателя, губернатор пожаловался на него министру внутренних дел Кочубею. Тот без всякого расследования доложил об этом императору и испросил Высочайшего повеления на «отрешение» председателя палаты от должности. Это возмутило Державина, так как председатели палат были подчинены ему, а не министру внутренних дел. Более того, внимательно ознакомившись с делом, он вообще не усмотрел никакой вины председателя, так как распоряжение губернатора было явно незаконным. Об этом он доложил Александру I, и тот с ним согласился. Однако через несколько дней все же дал указание Державину подготовить указ об освобождении председателя уголовной палаты от должности. Попытки Державина отстоять справедливость ни к чему не привели. Указ был подписан императором. Когда же указ этот поступил к Державину, тот отказался его контрассигновать, то есть визировать, отослав для этой цели к министру внутренних дел Кочубею. Узнав об этом, Александр I изорвал свой указ, но все же дал устное указание уволить председателя палаты.

В «Записках» Державин писал о том, что он отказывался контрассигновать и такие, подписанные Александром I указы, как указ о вольных хлебопашцах, об учреждении опеки над именем графа Сологуба и др.

На посту министра юстиции и генерал-прокурора Державин пробыл только один год. Ежедневно с утра до вечера он посвящал все свое время исключительно исполнению разнообразных служебных обязанностей: поездкам во Дворец с всеподданнейшими докладами, участию в заседаниях Сената и Комитета министров, «объяснениям» с обер-прокурорами, приему посетителей и т.п. Усердие и служебное рвение его были необычайны. Он ездил, например, в Сенат даже в воскресные и праздничные дни, чтобы посмотреть целые кипы бумаг и написать по ним заключения.

В декабре 1802 г. Державин составил для себя жесткий график работы, не предусматривавший даже выходных дней, отводивший на отдых лишь несколько часов в сутки. Вот как он планировал свою работу. В воскресенье, с 10 часов утра, поездка во Дворец к императору с «мемориями и докладами». Понедельник — в 11 часов во Дворец для участия в Совете. Вторник — с 9 часов утра поездка во Дворец к императору с докладами, а после обеда на заседание Ко-

митета министров. Среда, с 7 часов утра до 10 — совещание с обер-прокурорам по подготовке важнейших меморий, после этого поездка в Сенат «по разным департаментам по случаю какой-либо надобности». Четверг — с 8 часов утра до 12 — прием посетителей, дача им «отзывов». Пятница, с 7 часов утра до 10 — занятия с обер-прокурорами, после этого — поездка в Сенат, в общее собрание. После обеда, с 6 часов — во Дворец для участия в Комитете министров. Суббота — с 8 часов утра до 12 — прием и выслушивание посетителей.

Кроме этого, Державин предусматривал в воскресенье, понедельник, среду, четверг и субботу после обеда, с 6 часов до 10 вечера, заниматься с секретарями, читать почту и другие бумаги, выслушивать и подписывать заготовленные для внесения в Комитет министров или Сенат документы.

«Наконец, каждый день поутру, с 5-ти до 7-и, — отмечает Державин, — заниматься домашними и опекунскими делами, и ввечеру с 10-ти до 11-и часов — беседою приятелей, и в сей последний час запираеть ворота и никого не принимать, разве по экстренной какой нужде или по присылке от императора, для чего в какое бы то ни было время камердинер должен меня разбудить».

За непродолжительное время Державину удалось осуществить ряд важных мероприятий. В частности, он организовал консультацию (совещание) обер-прокуроров, которая, несколько видоизменившись, существовала до Октябрьской революции.

21 октября 1802 г. император Александр I утвердил его доклад об организации консультаций (совещаний) обер-прокуроров по наиболее сложным делам, по которым не было единства сенаторов. В докладе Державин писал, что консультация нужна, чтобы, «обсудив дело по прямому существу его и по точному смыслу законов, обер-прокуроры сделали общее заключение». Затем «на основании общей обер-прокуроров консультации», он стал бы «соглашать разные мнения» на общем собрании Правительствующего сената. Новшество было воспринято неоднозначно. Например, сенатор И.В. Лопухин писал, что введение консультаций делает Державину честь. Министр внутренних дел Кочубей осуждал их. Он писал по этому поводу Воронцову: «Генерал-прокурор желает советоваться с юрисконсультами, и жаль, что он слишком мало с ними советовался. Но ежеминутно выставлять консультацию и ссылаться на нее, это по-

хоже на уловку. Генерал-прокурор сам за себя несет ответственность, как и все мы. У нас нет консультации и ради чего же будет вешать бедных юрисконсультов за глупости, которые сам делает».

Вскоре совещания расширились, и на них стали приглашать трех юрисконсультов. Преемники Державина эти консультации сохранили. Они оставались в министерстве юстиции вплоть до Октябрьской революции, сделавшись правильно организованным учреждением. Они состояли из определенного числа членов, обязанных письменно излагать свои заключения.

Державин добился сокращения канцелярского делопроизводства в Сенате, что значительно ускорило движение сенатских дел. Он утвердил правила внутреннего распорядка, так называемое «Учреждение департамента министра юстиции или генерал-прокурора», в котором четко был зафиксирован порядок прохождения дел.

Он добился принятия указа «О судимых в уголовных палатах за преступление должностей чиновниках», согласно которому осужденные чиновники получили право в течение двух недель обжаловать приговоры судебных палат. В случае отклонения их жалобы «примечания» чиновников отсылались вместе с делом на ревизию в Сенат. Это правило, по мнению Державина, необходимо было для того, чтобы чиновникам, «иногда сверх меры их вин утесненными от губернских начальников», предоставить способ для оправдания.

Державин предложил также принять указ о взяточничестве с тем, чтобы «различить зловредного лихоимца от приемателя из крайней нужды какой-либо безделки», а кроме того не подвергать «единой строгой участи как тех, которые берут взятки, так и тех, которые, по необходимости иногда, чтобы избавиться от несносной волокиты и притеснения в производстве, дают подарки».

Генерал-прокурор пытался противодействовать приему на службу в высшие государственные органы лиц по «проискам, взяткам и рекомендациям». С этой целью он добился принятия указа о том, чтобы на высокие должности отбирались лучшие чиновники из губерний. Однако практически этот закон не исполнялся.

Гавриил Романович лично разработал проект закона о третейском совестном суде, над которым трудился очень долго и упорно. Он обобщил богатый опыт зарубежного третейского судопроизводства. Свой проект Державин посылал

«на отзыв» и для «примечания» известным юристам. Александру I проект этого закона понравился, но он так и не был тогда принят.

Исполняя должность министра юстиции и генерал-прокурора, Державин, по его словам, старался не допускать «утеснения сильной стороне людей бессильных». Вот как отзывался о своем начальнике обер-прокурор Сената князь А.Н. Голицын: «В минуту желчи гений блестел в его глазах; тогда с необыкновенной проницательностью он охватывал предмет; ум его был вообще положителен, но тяжел; память и изучение законов редкая; но он облакал их в формальности до педантизма, которым он всем надоедал. Олицетворенную честность и правдивость его мало оценивали, потому что о житейском такте он и не догадывался, хотя всю службу почти был близок ко Двору».

Многим же сановным лицам Державин, с его честностью, был попросту непонятен. Княгиня Дашкова, например, писала: «Здесь очень смеются над нападками, с которыми Державин выступил против министров и сенаторов своим лживым докладом». По ее мнению, доклады Державина «неприятно поразили всех московских сенаторов».

Державин подбирал себе толковых, талантливых сотрудников. Например, 19 июля 1803 г. обер-прокурором 3-го департамента Сената был назначен тридцатилетний Дмитрий Осипович Баранов, окончивший Московский благородный пансион, а потом служивший в Семеновском полку. Он активно занимался литературной деятельностью, писал стихи, элегии, сатиры, басни, эпиграммы, сотрудничал в ряде журналов. В 1830-е годы был хорошо знаком с Пушкиным. За время работы в Сенате он совершил несколько успешных инспекционных поездок. Репутация его как честного человека и чиновника была очень высока.

Чиновником по особым поручениям при Державине служил 23-летний Константин Васильевич Злобин, отличавшийся «большой образованностью». Он поддерживал связи с кругом быстро восходившего по службе М.М. Сперанского, активно занимался литературой. Злобин восхищался поэзией Державина, и после отставки в 1805 г., продолжал поддерживать с ним связь, посылал на отзыв свои стихи. Обосновавшись в Поволжье, он занимается своим большим хозяйством, делает ряд щедрых пожертво-

ваний и даже открыл на свои средства пансион для 20 учеников.

В начале октября 1803 г. Александр I неожиданно не принял с докладом Державина, приказав сказать, что ему недосуг. На следующий день император прислал министру юстиции письмо, в котором, «оказывая ему удовольствие свое за отправление его должности», просил освободить место министра юстиции и остаться только в Сенате и Совете присутствующим.

Державин написал Александру I письмо, в котором напомнил о своей 40-летней службе, отметив, что он «при бабке его и при родителе всегда был недоброхотами за правду и истинную к ним приверженность притесняем». В заключение он писал, что «ежели такой юстиц-министр, который следует законам и справедливости не угоден, то чтоб отпустил его с честью, ... ибо он не признает себя виновным или прослужившимся». Александр I принял Державина, и на прямой вопрос генерал-прокурора, за что он его увольняет, ответил: «Ты очень ревностно служишь». «А как так, государь, — ответил Державин, — то я иначе служить не могу. Простите».

8 октября 1803 г. император подписал указ, которым Державин был уволен со службы с пожалованием ему 10 тыс. рублей ежегодного пансиона. Сорокалетняя служба Державина на военном и государственном поприще завершилась.

Его недруги ликовали. Появились пасквилы и эпиграммы, вроде следующей: «Ну-ка, брат, певец Фелицы, на свободе от трудов и в отставке от юстицы наполняй бюро стихов. Для поэзии ты способен, мастер в ней играть умом, но за то стал негоден ты министерским пером...». Завадовский писал в то время Воронцову: «Общее возрадование, что князь Лопухин переменял Державина! Не дай Бог, чтоб когда-нибудь в министерстве очутился подобный поэт».

«ПОБОРНИК ПРАВДЫ»

Выйдя в отставку, Державин всецело занялся литературным трудом, изданием своих сочинений. Зимнее время он проводил в Петербурге, а на все лето отправлялся в «Зван-

ку» — свое имение на берегу Волхова, верстах в пятидесяти пяти от Новгорода.

Державин писал лирические стихотворения, драматические произведения: «Добрыня», «Пожарский, или Освобождение Москвы»; трагедии: «Ирод и Мариамна», «Евпраксия», «Темный»; комические оперы: «Дурочка умнее умных», «Рудокопы»; работал над сборником афоризмов «Мысли мои», философско-политическими статьями, переводами.

Новые произведения не оказывали уже на современников такого сильного воздействия, как его оды. Мерзляков, например, называл их «развалинами Державина».

В 1804 г. Державин писал Капнисту: «Скажу вам о себе: я очень доволен, что сложил с себя иго должности, которое меня так угнетало, что я был три раза очень болен».

Казалось, что государственные дела, которыми он с таким рвением и такой горячностью занимался долгое время, его уже не интересуют. Но это было не совсем так. Державин называл себя «оставным служивым» и считал обязанным изредка напоминать о себе. В 1807 г. он написал две записки императору Александру I, в которых прозорливо усмотрел опасность для России со стороны Наполеона и предлагал меры по «укрошению наглости французов», вступивших в Пруссию, и как «оборонить Россию от нападения Бонапарта». Об этом же он говорил с Александром I и при их личной встрече. Император выслушал его благосклонно, но вскоре заметно охладел и к самому поэту, и к его идеям.

Державин был все такой же неустрашимый борец за справедливость, что и ранее. Встречавшийся с ним в первые годы после отставки литератор С.П. Жихарев (впоследствии Московский губернский прокурор и обер-прокурор Сената) писал: «С именем Державина соединено было все в моем понятии, все, что составляет достоинство человека: вера в Бога, честь, правда, любовь к ближнему, преданность к государю и Отечеству, высокий талант и труд бескорыстный...» «Это не человек, а воплощенная доброта, — вспоминал Жихарев, — но чуть только коснется до его слуха какая несправедливость и оказанное кому притеснение или, напротив, какой-нибудь подвиг человеколюбия и доброе дело — тотчас оживится, глаза засверкают и поэт превращается в оратора, поборника правды...».

С.Т. Аксаков

Державин считал себя обязанным заступаться за невинно осужденных, обиженных, угнетенных людей. Он одаривал нищих и дворовых деньгами, покупал для неимущих крестьян коров и лошадей, давал им хлеб, строил им новые избы. У себя на «Званке» он построил больницу для крестьян и даже выслушивал отчеты врача, являвшегося к нему ежедневно.

С.П. Жихарев в «Записках современника» приводит такой случай. 17 февраля 1807 г., в воскресенье, Державин был на литературном вечере, который организовал сенатор И.С. Захаров. На вечере присутствовало много знатных людей Петербурга: сенаторы, обер-прокуроры, камергеры. За столом Державин не преминул обратиться к обер-прокурору Г.Г. Политковскому: «Да за что же, Гаврила Герасимович, вы мучите человека? Вот я сейчас просил Дмитрия Ивановича (сенатор Резанов — *Авт.*) и князя (С.И. Салагов —

Авт.) о скорейшем окончании дела этого несчастного Ананьевского; они ссылаются на вас, что вы предложили потребовать еще какие-то новые от палаты справки, но ведь справки были давно собраны все; если же нет, то зачем не потребовали их прежде и в свое время?» Политковский стал, извиняясь, уверять, что это дело скоро будет окончено. «Конечно будет! — сказал Державин. — Но покаместь он и с детьми может умереть с голоду». «Мне стало понятно, — пишет С.П. Жихарев, — отчего многие не любят Державина».

Д.Б. Мертваго, о котором мы уже упоминали, как-то раз говорил С.Т. Аксакову, что Державин «честный чиновник и добрейший человек, и все, что говорят против него дурного, — выдумка подлых клеветников и завистников».

А говорили в то время в окружении императора о Державине, действительно, много и злобно.

С.Т. Аксаков, автор знаменитых книг «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» и сам вскоре убедился в правдивости слов Мертваго. В молодости он был блестящим декламатором од и стихов Державина. Познакомиться лично с «певцом Фелицы» ему удалось в 1815 г. После их первой встречи Державин часто и охотно приглашал к себе С.Т. Аксакова, чтобы, как он выражался, «послушать себя».

В своих «Воспоминаниях» Аксаков писал о поэте: «Благородный и прямой характер Державина был так открыт, так определен, так известен, что в нем никто не ошибался; все, кто писали о нем, — писали очень верно. Можно себе представить, что в молодости его горячность и вспыльчивость были еще сильнее и что живость вовлекла его в опрометчивые речи и неосторожные поступки. Сколько я мог заметить, он не научился еще, несмотря на семидесятирехлетнюю опытность, владеть своими чувствами и скрывать от других сердечное волнение. Нетерпеливость, как мне кажется, была главным свойством его нрава; и я думаю, что она много наделала ему неприятных хлопот в житейском быту и даже мешала вырабатывать гладкость и правильность языка в стихах».

В 1808 г. вышли первые четыре тома сочинений Державина. В 1809-1810 гг. он диктовал свои «Объяснения на сочинения Державина», представляющие по существу его автобиографию. В 1812-1813 гг., в разгар Отечественной войны, он работал над «Записками», в которых подробно рассказал о своей служебной деятельности.

Гавриил Романович Державин скончался 8 июля 1816 г. в своем имении «Званка». Похоронен в Хутынском монастыре, недалеко от Новгорода. Спустя двадцать шесть лет там же была погребена его жена, Дарья Алексеевна.

После Великой Отечественной войны, в связи с разрушением Хутынского монастыря, прах Державина и его жены перенесли и предали земле около Софийского собора в Новгородском Кремле.